

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1939 г.

Нами уже прочитана целая серия лекций, посвященных периоду 1929-1939 гг. Это был чрезвычайно важный период в истории новейшего времени, когда глубочайший экономический кризис 1929-1933 гг. создал чрезвычайную обстановку, до предела обострил кризис традиционной структуры капитализма, потребовал активного вмешательства государства в экономику и социальные отношения и тем самым положил начало переходу к новой стадии в развитии современного общества - стадии государственно-регулируемого и социально-ориентированного капитализма. В нескольких прошлых лекциях мы достаточно подробно разобрали основные модели государственного регулирования, сложившиеся в 30-х гг.

Но период 30-х гг. XX в. был крупным рубежом не только в эволюции внутренней структуры современного общества. Это был также период резкого обострения международной обстановки, период краха той модели международных отношений, которая была создана после первой мировой войны, - Версальско-Вашингтонской системы. Именно в 30-х гг., в результате кардинальных изменений в соотношении сил крупнейших держав на мировой арене, в результате выдвигания, а затем и попыток реализации агрессивных планов фашистских держав все более возрастала угроза новой мировой войны. Усилия противников созданного в середине 30-х гг. агрессивного реакционно-фашистского блока предотвратить эту катастрофу оказались в конечном счете безрезультатными, и в сентябре 1939 г. мир вступил в полосу кровопролитной второй мировой войны, принесшей человечеству неисчислимые бедствия.

В кратком лекционном курсе у нас нет возможности подробно остановиться на характеристике сложной, многогранной и противоречивой картины международных отношений 30-х гг. Но, на наш взгляд, в этом нет и особой необходимости. В подготовленном коллективом нашей кафедры учебнике достаточно подробно изложена основная канва событий международной жизни предвоенного десятилетия. К тому же нам кажется, что проблемы международных отношений 30-х гг. студентам более известны, чем вопросы внутреннего развития основных стран Европы и Америки в тот период.

Однако в истории международных отношений 30-х гг. есть такие проблемы, вокруг которых в последнее десятилетие в нашей стране развертываются острейшие дискуссии. В ходе них высказываются различные, а то и прямо противоположные взгляды и концепции.

Основная из этих дискуссионных проблем - политический кризис 1939 г., непосредственно предшествовавший началу второй мировой войны, и

позиции тех крупнейших держав, от которых зависел исход той острейшей политической и дипломатической борьбы, которая развернулась в тот период. Важнейшую роль в этой борьбе играли Германия как главная сила агрессивного реакционно-фашистского блока, Англия и Франция как основные страны буржуазно-парламентской демократии и Советский Союз, от позиции которого во многом тоже зависел исход этой острой борьбы на международной арене, развернувшейся в 1939 г.

* * *

Долгое время, вплоть до конца 80-х гг., в отечественной историографии господствовала концепция, которая впервые была подробно изложена в официальном документе Советского правительства - исторической справке "Фальсификаторы истории", опубликованной в 1948 г. В течение 40 лет она многократно повторялась в научной и учебной литературе, публиковавшейся в Советском Союзе.

В основных своих чертах эта традиционная советская концепция политического кризиса 1939 г. такова.

С приходом к власти в Германии фашизма военная опасность с каждым годом стала стремительно возрастать. Нацистская Германия приступила к систематическому нарушению условий Версальского мирного договора. В 1935 г. она ввела в стране всеобщую воинскую повинность. В марте следующего, 1936 г. германские войска вступили в демилитаризованную Рейнскую зону. В Германии развернулась бешеная гонка вооружений. В середине 30-х гг. были предприняты первые агрессивные акты реакционно-фашистских держав: захват Италией Эфиопии в 1935-1936 гг., прямое военное вмешательство Германии и Италии в гражданскую войну в Испании, война Японии против Китая, развязанная ею в 1937 г. В ходе всех этих актов был оформлен агрессивный блок трех держав - так называемый "треугольник Берлин-Рим-Токио". В 1938 г. Германия перешла к прямым актам агрессии против соседних стран, осуществив захват Австрии и Чехословакии. Все это привело к тому, что в 1939 г. мир оказался перед прямой угрозой новой мировой войны.

Отвести эту угрозу мог только союз неагрессивных миролюбивых держав. В конкретной обстановке конца 30-х гг. эту задачу мог выполнить только военно-политический союз трех держав - Англии, Франции и СССР. Однако создание такого союза оказалось невозможным, попытки достичь этой цели окончились крахом.

Кто же был виновен в этом? Традиционная советская историография в течение многих лет отвечала на этот вопрос однозначно: в провале попыток создания военно-политического союза трех держав виновны Англия и Франция. Именно руководители этих держав проводили в 30-е гг. политику попустительства нарушению Германией условий

Версальского мирного договора, политику "невмешательства" в гражданскую войну в Испании, политику "умиротворения" агрессора, наиболее ярко проявившуюся в мюнхенском соглашении 29 сентября 1938 г., отдавшем в руки нацистской Германии Чехословакию, наконец, политику саботажа политических и военных переговоров между Советским Союзом и англо-французским блоком в мае-августе 1939 г. В основе этой политики фактического пособничества фашистской агрессии, говорилось в работах советских историков, лежало стремление правящих кругов Англии и Франции направить агрессию нацистской Германии на восток, против Советского Союза. Ради этой цели, ради втягивания СССР в войну с Германией правящие круги Англии и Франции делали попытки прямого сговора с нацистской Германией.

Диаметрально противоположные оценки давала советская историография политике СССР. Неизменно подчеркивались миролюбивый характер советской внешней политики, ее последовательная антифашистская направленность, постоянная борьба СССР за создание системы коллективной безопасности в Европе, за более эффективные действия Лиги Наций. Приводились многочисленные факты активных выступлений Советского Союза против англо-французской политики "умиротворения" агрессоров, фактически являвшейся политикой пособничества агрессорам. Особенно ярко это проявилось в событиях чехословацкого кризиса 1938 г., в намерении СССР выступить в защиту Чехословакии вместе с Францией в соответствии с условиями советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи или даже независимо от позиции Франции. Наконец, утверждалось в работах советских историков, в отличие от руководителей Англии и Франции, руководство Советского Союза искренне стремилось добиться заключения договора о взаимопомощи трех держав во время московских переговоров в мае-августе 1939 г.

И только тогда, когда воочию обнаружилось нежелание англо-французской стороны заключить равноправное и эффективное соглашение о совместном отпоре агрессии, Советский Союз вынужден был принять предложение Германии о заключении договора о ненападении. Это было сделано для того, чтобы обезопасить Советский Союз, не допустить его втягивания в войну с Германией. Поэтому советские историки оценивали пакт от 23 августа 1939 г. как абсолютно необходимый и закономерный шаг советского правительства. Более того, они считали его крупной победой миролюбивой внешней политики СССР, позволившей сорвать маневры правящих кругов стран Запада и обеспечить Советскому Союзу мирную жизнь еще почти на два года.

С самого начала, а еще больше в последующие десятилетия эта традиционная концепция советской историографии вызывала большие сомнения, а то и возражения. Документы, публиковавшиеся в течение послевоенного периода на Западе, рисовали совсем другую картину, показывали позицию, занятую в 1939 г. Советским Союзом, в далеко не

столь розовом свете. Однако отсутствие доступа к советским архивам позволяло официальной советской пропаганде, а вслед за ней и отечественной историографии квалифицировать публикации документов на Западе как сознательную фальсификацию, как намеренное очернение миролюбивой внешней политики СССР.

Положение решительно изменилось на рубеже 80-90-х гг. Открытие части советских архивов показало, что в позиции СССР в период политического кризиса 1939 г. действительно было немало темных сторон. Было доказано, что наряду с переговорами с Англией и Францией весной и летом 1939 г. Советский Союз вел секретные переговоры с фашистской Германией, результатом которых стал пакт от 23 августа 1939 г. Были найдены оригиналы секретных протоколов о разделе сфер государственных интересов СССР и Германии в Польше и Прибалтике, содержание которых находилось в вопиющем противоречии с декларируемыми официальной советской пропагандой принципами миролюбивой внешней политики СССР как страны социализма.

Все это заставило наших отечественных публицистов, а затем и историков начать пересмотр традиционной концепции политического кризиса 1939 г., и особенно традиционных оценок роли СССР в эти критические для всего мира месяцы, недели и дни.

В течение последнего десятилетия вышло несколько интересных книг, знакомство с которыми дает возможность увидеть аргументацию современных отечественных историков, их оживленную дискуссию по вопросу о новых оценках политического кризиса 1939 г.

Рекомендуем для изучения несколько интересных исторических работ: 1939 год: Уроки истории/ Отв. редактор О. А. Ржешевский. М., 1990; Розанов Г. Л. Сталин-Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939-1941. М., 1991; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии, 1939-1941. М., 1992. Кроме того, в отечественных исторических и политических журналах в 90-е гг. появилось много интересных статей на эту тему.

Однако, как и во многих других случаях, пересмотр традиционной советской историографии существа политического кризиса 1939 г. нередко производится по примитивному принципу "смены знака", "смены минусов на плюсы и наоборот". В самом деле, исследование документов в советских архивах показало, что традиционная концепция политического кризиса 1939 г. в советской историографии чрезвычайно односторонняя и пристрастная. Но очень часто при "смене знака" получается противоположная по оценкам, но столь же односторонняя и пристрастная картина международных отношений кануна второй мировой войны.

В ряде книг и статей проводимая в тот период руководством Англии и Франции политика "умиротворения" агрессоров как бы отводится на второй план, а то и просто замалчивается, а на первый план выходят начавшиеся в 1939 г. контакты СССР и Германии. Более того, нередко

всячески подчеркивается, что не Англия и Франция, а именно Советский Союз вел двойную игру, стремился к сговору с фашистской Германией, результатом чего и стал пакт Молотова-Риббентропа, что СССР якобы не только играл активную роль в сближении с фашистской Германией, но был чуть ли не инициатором этого курса. Заключение договора 23 августа 1939 г. расценивается как отказ СССР от поиска соглашения с Англией и Францией, как прямая помощь фашистской Германии, как предоставление ей "свободы рук".

Все это ведет авторов подобной интерпретации событий 1939 г. к выводу, что именно Советский Союз несет основную вину за отказ от коллективного отпора агрессии, за потворство развязыванию нацистской Германией второй мировой войны. Иногда даже делается вывод, что, если бы не было советско-германского договора о ненападении, то 1 сентября 1939 г. не началась бы война.

Закономерен вопрос: насколько обоснованны попытки столь кардинальной ревизии оценок роли Советского Союза, как и роли его западных партнеров по московским переговорам 1939 г., в условиях политического кризиса 1939 г.?

* * *

Чтобы с достаточной объективностью ответить на этот вопрос, необходимо обстоятельно проследить развитие международных событий после Мюнхенского соглашения 1938 г.

Даже многие консервативные политические деятели и ученые стран Запада не могут не признать, что Мюнхенское соглашение 29 сентября 1938 г. стало наиболее одиозной акцией тогдашних руководителей Англии и Франции, явным поощрением агрессивного курса фашистской Германии.

Итоги мюнхенского сговора, отдавшего Чехословакию на растерзание фашистской Германии, удивили даже самого фюрера. В беседе с министром иностранных дел Венгрии в январе 1939 г. Гитлер заявил: "Неслыханное достигнуто. Вы думаете, что я сам полгода тому назад считал возможным, что Чехословакия будет мне как бы преподнесена на блюде ее друзьями? Я не верил, что Англия и Франция вступят в войну, но был убежден, что Чехословакия должна быть уничтожена военным путем. То, что произошло, может случиться лишь раз в истории".

Отторжение от Чехословакии Судетской области с ее мощными оборонительными укреплениями, с высокоразвитой промышленностью серьезно укрепило экономические и стратегические позиции фашистской Германии и создало опасный прецедент на будущее. Ясно, что это облегчило нацистам дорогу к дальнейшим захватам, усилило военную угрозу.

А тем временем в Англии и Франции царил настоящая эйфория. "Чемберлен и Даладье спасли мир" - таков был лейтмотив пропаганды, на все лады восхвалявшей "миротворцев". Самое главное, внушали населению мюнхенцы, - это спасти мир, любой ценой не допустить войны. "Разве справедливо, - утверждали они, - бросать в рубку войны миллионы французов и англичан ради трех миллионов немцев Судетской области!"

Чтобы еще более оправдать свои действия, Чемберлен и Даладье, а за ними и их сторонники утверждали, что во время конференции в Мюнхене Гитлером было дано обещание - ограничиться лишь присоединением к Германии Судетской области. И этому надо верить, продолжали они, ибо теперь в основном завершена (в общем-то справедливая, как часто говорилось) задача возвращения немцев в лоно "матери-родины", поставленная национал-социалистами. К тому же обещание Гитлера было официально зафиксировано в англо-германской и франко-германской декларациях 30 сентября и 6 декабря 1938 г., где говорилось о стремлении договаривавшихся сторон решать все спорные вопросы путем переговоров.

Против Мюнхенского сговора активно выступил только Советский Союз. Советское правительство на протяжении нескольких месяцев чехословацкого кризиса неоднократно заявляло о готовности СССР оказать Чехословакии любую, в том числе и военную, помощь.

Однако предложения Советского Союза были решительно отвергнуты. И это не было случайностью. Курс на отказ от создания системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР был твердой линией политического руководства Англии, а за ним следовали и руководители Франции. Очень четко о следовании этому курсу было заявлено еще в 1937 г. премьер-министром Англии Стэнли Болдуином: "Нам всем известно желание Германии, изложенное Гитлером в его книге, двинуться на Восток... Если бы в Европе дело дошло до драки, я бы хотел, чтобы она была между нацистами и большевиками".

В 1938 г., когда на посту премьер-министра Англии был Невилл Чемберлен, отказ Англии, а за ней и Франции пойти на совместные действия с Советским Союзом проводился с еще большей последовательностью, нежели ранее. Это было вполне закономерно. Дело в том, что международные позиции СССР в 1938 г. были гораздо слабее, чем в 1935-1936 гг.

Почему? Прежде всего, это объяснялось тем, что в Советском Союзе, где к тому времени полностью завершился процесс создания тоталитарного режима, осуществлялось жестокое подавление демократии, проводились массовые репрессии. Крайне тяжелое впечатление на демократические круги Запада произвели московские судебные процессы 1936-1938 гг. над прежними лидерами большевистской партии, обвиненными теперь в самых невероятных преступлениях, вплоть до шпионажа. Все это привело к падению морального авторитета Советского Союза на международной

арене и давало возможность его противникам достаточно убедительно утверждать, что нацистская Германия и большевистская Россия лишь две разновидности однотипного тоталитарного режима.

Неизбежным следствием перерождения советского режима было полное подчинение Коминтерна целям сталинской внешней политики, послушное его следование сиюминутным запросам сталинской диктатуры, вплоть до оправдания массовых репрессий. Это ставило в труднейшее положение многих искренних друзей Советского Союза.

Но в особенно трагичном положении оказывались коммунистические партии стран Запада, вынужденные поддерживать все акции ВКП(б) и советского правительства. Малейшее ослушание или даже подозрение в этом означало для любого коммуниста арест и смерть. Произвольно распускались целые компартии, как это, например, произошло в 1938 г. с компартией Польши. Эти факты делали убедительными утверждения консервативных кругов, что Коммунистический Интернационал и зарубежные компартии - это "агенты Москвы", "орудия Кремля". Был нанесен смертельный удар идее Народного фронта. Как раз осенью 1938 г. распался Народный фронт во Франции.

Наконец, ослаблению международных позиций Советского Союза в 1938 г. способствовало уничтожение значительной части руководства Красной Армии, физическая ликвидация почти всего высшего и значительной части среднего военного командования в СССР. Это не могло не привести к существенному ослаблению его вооруженных сил. Среди руководства стран Запада широкое распространение получили представления о том, что после сталинской "чистки" военного командования Советский Союз - это всего лишь "колосс на глиняных ногах".

Естественно, что в условиях ослабления международных позиций Советского Союза, военной слабости СССР и падения его морального авторитета страны Запада меньше считались с Советским Союзом, им легче было отвергать инициативы советского руководства.

С другой стороны, в конце 30-х гг. наметились серьезные изменения и во внешней политике Советского Союза. В заявлениях сталинского руководства СССР в 1938 г. все более проявлялась тенденция к тому, чтобы не проводить грани между странами фашистского блока и странами парламентской демократии, ибо, как утверждалось, и те и другие - это империалистические, реакционные государства, проводящие политику "капиталистического окружения" страны социализма. Эта тенденция отчетливо проявилась в опубликованном осенью 1938 г. "Кратком курсе истории ВКП(б)". Там прямо говорилось о том, что "стране победившего социализма" незачем поддерживать "так называемые демократические государства", которые, по сталинскому определению, "солидарны с фашистской политикой борьбы против рабочего и национально-освободительного движения", борьбы против социализма.

Изменения в политике сталинского руководства тоже ставили серьезные преграды на пути осуществления единства действий в борьбе против фашистской агрессии.

Между тем в начале 1939 г. международная обстановка вновь резко обострилась. Один за другим последовали новые акты агрессии стран фашистского блока. В марте 1939 г., вопреки всем заверениям во время конференции в Мюнхене, Германия оккупировала всю территорию Чехословакии, которая была ликвидирована как самостоятельное государство. Чехия и Моравия стали протекторатами Германии, а Словакия была объявлена "независимым" государством с марионеточным правительством. В том же месяце Германия оккупировала литовский город и порт Клайпеду с прилегающими районами.

В конце марта - начале апреля 1939 г. под напором мятежников при прямой военной помощи Германии и Италии пало республиканское правительство Испании. В стране воцарилась военно-фашистская диктатура генерала Франко. Через несколько дней, 7 апреля, Италия захватила Албанию.

Становилось ясно, что заверения Гитлера, данные им в 1938 г., ничего не стоят, что фашистская Германия взяла курс на захват европейских стран независимо от того, было в них немецкое население или нет.

Очередным объектом агрессии фашистской Германии была названа Польша. 21 марта 1939 г. гитлеровское правительство потребовало передачи Германии территории Данцига, а также выделения экстерриториальной зоны для строительства автострады и железной дороги через так называемый "польский коридор", отделявший Восточную Пруссию от остальной территории Германии. Вскоре эти требования были еще более ужесточены: Германия потребовала от Польши передачи по крайней мере части "польского коридора".

Решить эту проблему фашистская Германия намеревалась любым путем, вплоть до военного захвата. 3 апреля 1939 г. последовало распоряжение Гитлера о подготовке нападения на Польшу, намеченного на конец августа - начало сентября 1939 г.

Резкая активизация агрессивных действий и военных приготовлений Германии, а значит, рост военной угрозы заставили руководство Англии и Франции принять ряд мер. В марте 1939 г. последовали резкие ноты протеста Англии и Франции, осуждавшие захват Германией Чехословакии. Английское и французское правительства обменялись между собой нотами, в которых говорилось, что они берут на себя обязательства о взаимной помощи друг другу в случае нападения на одну из них. Тем самым произошло оформление англо-французского военного союза. Наконец, были даны англо-французские гарантии независимости Польши. Вскоре они были распространены также на Румынию и Турцию.

Это было свидетельством явной активизации действий Англии и Франции. Однако наиболее дальновидные деятели этих стран понимали,

что объединения сил двух держав недостаточно, что для успешного военного сопротивления фашистской Германии необходим союз с СССР. Так, в своей речи в палате общин весной 1939 г. Уинстон Черчилль заявил: "Мы окажемся в смертельной опасности, если нам не удастся создать великий союз против агрессии. Было бы величайшей глупостью, если бы мы отвергли естественное сотрудничество с Советской Россией".

Черчиллю вторил Ллойд-Джордж. Он предупреждал Чемберлена: "Действуя без помощи России, мы попадем в западню". А газета "Daily Chronicle" в апреле 1939 г. заявила: "Советский Союз вместе с Францией и Англией - единственная надежда мира".

Эти взгляды отражали значительную часть общественного мнения. Так, например, во время опроса общественного мнения в мае 1939 г. более 80% опрошенных англичан высказались за союз с СССР. Аналогичные настроения были широко распространены и во Франции.

В этих условиях руководство Англии и Франции в мае 1939 г. решило начать политические переговоры с СССР о заключении договора о взаимопомощи трех держав. Эти переговоры шли в Москве в мае-июле 1939 г.

Однако переговоры проходили в обстановке глубокого взаимного недоверия. Лидеры Англии и Франции считали Советский Союз слабым в военном отношении и еще более ослабленным после расправы Сталина с высшим командованием Красной Армии. Они относились с глубоким недоверием к побудительным мотивам сталинского руководства (и, как мы увидим, не без основания). Их главной задачей было втянуть Советский Союз в войну с Германией. Обо всем этом еще в марте 1939 г. Н. Чемберлен говорил: "Я должен признаться в своем принципиальном недоверии к России. Я не верю в ее способность вести успешное наступление, если даже она и пожелает это сделать. И я не доверяю ее побудительным мотивам, которые, на мой взгляд, весьма мало связаны с идеями свободы и определяются желанием получить для себя преимущества".

В соответствии с этим в меморандуме, данном правительством Чемберлена английской делегации на переговорах с СССР, говорилось: "Желательно заключить какое-нибудь соглашение с СССР о том, что Советский Союз придет нам на помощь, если мы будем атакованы с востока, не только для того, чтобы заставить Германию воевать на два фронта, но также и потому - и это самое главное, - что если война начнется, то следует постараться втянуть в нее Советский Союз".

Сама же Англия собиралась полностью сохранить свободу действий и не связывать себя какими-либо четкими обязательствами. В инструкции английской делегации на переговорах говорилось: "Британское правительство не желает быть связанным каким бы то ни было определенным обязательством, которое могло бы ограничить нашу свободу действий при любых обстоятельствах".

Этими принципами и определялось поведение делегаций Англии и Франции и на переговорах по политическим проблемам в мае-июле 1939 г., и на военных переговорах, продолженных в Москве в августе 1939 г.

В отличие от англо-французской стороны делегация СССР выдвинула четкие предложения: Англия, Франция и Советский Союз должны взять на себя обязательства оказать друг другу помощь в случае нападения Германии на любую из трех договаривающихся сторон; кроме того, три договаривающиеся державы должны будут оказать помощь всем государствам Восточной Европы, от Черного до Балтийского моря, в случае германской агрессии против любого из этих государств.

Однако представители Англии и Франции не намерены были брать на себя столь четкие обязательства. К тому же обе эти делегации состояли не из ведущих государственных деятелей, а из второстепенных представителей министерств иностранных дел Англии и Франции, не имевших полномочий принимать самостоятельные решения.

Вскоре обнаружилось, что английские и французские представители, по сути дела, саботируют предложения СССР о четких обязательствах трех держав в случае германской агрессии. В их предложениях делался упор на то, что Советский Союз должен будет оказать всемерную помощь Англии и Франции в случае агрессии против них, а обязательства Англии и Франции по оказанию помощи СССР в лучшем случае формулировались очень неопределенно. Вопрос о помощи странам Восточной Европы в случае нападения на них Германии англо-французская сторона предлагала решить в том же духе, возлагая обязательства на СССР, а сама воздерживаясь от определенных обязательств.

После долгих проволочек представители западных держав, в принципе, готовы были согласиться на оказание помощи в случае агрессии Германии против Польши и Румынии, да и то после длительной процедуры согласования через Лигу Наций, предоставляя реальные действия против германской агрессии Советскому Союзу. Они даже требовали от него начать военные действия и в том случае, если агрессия Германии будет направлена против Бельгии, Голландии или Швейцарии. В то же время вопрос о помощи западных держав в случае германской агрессии против стран Прибалтики англо-французские делегаты всячески старались обойти.

Именно по этому вопросу на Московских переговорах завязались особенно острые споры. На первый план выступила проблема формулирования принципа так называемой косвенной агрессии. Соглашаясь на словах принять принцип взаимопомощи трех держав, англо-французская сторона неизменно отказывалась распространить этот принцип на случай косвенной агрессии против стран Прибалтики, т. е. на тот случай, если германские войска могли быть введены на территорию Литвы, Латвии и Эстонии с согласия (добровольного или вынужденного) правительств этих государств. Естественно, что это был чрезвычайно важный для СССР

вопрос, так как правительства стран Прибалтики не раз давали основание считать, что они могут пойти на сближение с фашистской Германией, а значит, территория этих стран могла быть использована германскими войсками как своеобразный коридор, ведущий в Советский Союз.

Вопрос о гарантиях странам Прибалтики практически вышел на первый план и во время военных переговоров трех держав, которые начались в Москве 11 августа 1939 г. Целью этих переговоров была объявлена разработка военной концепции трех держав. Однако военные делегации Англии и Франции, руководители которых, кстати, отнюдь не принадлежали к числу ведущих военных лидеров этих стран и не имели полномочий на подписание конвенции, вели себя во время августовских военных переговоров столь же неторопливо, как и англо-французские представители на политических переговорах в мае-июле 1939 г., явно стремясь как можно больше затянуть обсуждение.

Дело осложнялось еще и тем, что правительства Польши и Румынии категорически отказывались от сотрудничества с СССР. Поэтому даже в том случае, если бы была достигнута договоренность между Англией, Францией и СССР о совместных действиях трех держав при нападении Германии на ее восточных соседей, Советский Союз не имел бы возможности реально взаимодействовать с англо-французскими войсками, ибо Польша и Румыния наотрез отказались пропустить советские войска через свои территории, а Англия и Франция не сделали ровным счетом ничего для воздействия на руководителей Польши и Румынии. Этот вопрос стал поистине камнем преткновения во время военных переговоров представителей трех держав в Москве.

Все это не было случайностью. Руководители Англии и Франции под давлением общественного мнения продолжали переговоры, но не хотели их успешного завершения. Об этом свидетельствовала следующая откровенная запись, сделанная Чемберленом в своем дневнике 30 июля 1939 г.: "Англо-советские переговоры обречены на провал, но прерывать их не следует, напротив, надо создавать видимость успеха, чтобы оказывать давление на Германию".

Одновременно с этим с ведома премьер-министра Англии было сделано несколько попыток вступить в переговоры с представителями германского правительства в целях достижения очередного компромисса с Германией. Прямо или косвенно были сделаны предложения о возможности достижения "второго Мюнхена", чтобы удовлетворить нацистскую Германию передачей ей Данцига, а также части или даже всего "польского коридора". Более того, иногда речь шла даже о возможности более широкого англо-германского сотрудничества. В июле 1939 г. состоялась секретная встреча ближайшего советника Чемберлена Г. Вильсона и представителя германской стороны Х. Вольтата, где обсуждался вопрос о возможности выпуска совместного заявления Англии и Германии о невмешательстве в дела друг друга, о признании Восточной

и Юго-Восточной Европы сферой влияния Германии и об установлении англо-германского экономического сотрудничества.

Попытки очередного сговора с нацистской Германией, которые были предприняты руководством Англии, оказались неудачными. Но это не меняло сути дела. В условиях, когда германская армия завершала подготовку к нападению на Польшу, уже назначенному на двадцатые числа августа, становилось все более ясно, что правители Англии и Франции не хотят четкого определения обязательств своих стран на переговорах в Москве ни в политической, ни в военной области, а заинтересованы прежде всего в том, чтобы втянуть Советский Союз в войну с Германией.

Таким образом, в 1939 г. Англия и Франция своей политикой показали, что они несут прямую ответственность за неудачу переговоров в Москве, за провал попыток создания единого фронта борьбы против фашистской агрессии.

Однако значительная доля ответственности за это лежит и на Советском Союзе.

Советское руководство тоже испытывало глубокое недоверие по отношению к Англии и Франции. В какой-то, и весьма значительной, степени это было оправдано: "мюнхенский курс" правителей этих стран имел явную антисоветскую направленность.

Но все же дело было не только в этом. Недоверие советского руководства имело более глубокую основу. Мы уже говорили о том, что в конце 30-х гг. Сталин все более склонялся к тому, чтобы не проводить грани между странами фашистского блока и странами парламентской демократии. Он все чаще ставил их на одну доску. Так, в отчетном докладе на XVIII съезде партии в марте 1939 г. Сталин резко выступил не только против агрессивных акций фашистских держав, но и против политики Англии и Франции, руководители которых, как он заявил, стремятся "спровоцировать конфликт СССР с Германией без видимых на то оснований".

Это и ряд других заявлений и высказываний советского диктатора интерпретируются в некоторых работах современных отечественных историков и публицистов как "приглашение Германии к диалогу", как инициативный шаг советского руководства на пути к соглашению с нацистской Германией.

В какой-то мере шаги сталинского руководства весной 1939 г. действительно представляли собой нащупывание возможностей контактов с Германией. Но насколько можно судить по данным документов, имеющихся сейчас в распоряжении исследователей, действия советских представителей были все же лишь ответом на зондаж Германии.

В самом деле, германское руководство, поставившее на рубеже 1938-1939 гг. своей очередной задачей нападение на Польшу, стремилось обезопасить себя от войны на два фронта. Зная о том, сколь многое

разделяет англо-французскую сторону и Советский Союз, гитлеровское руководство в начале 1939 г. решило попытаться обеспечить себе спокойный тыл на Востоке на тот случай, если Англия и Франция решат реализовать свои обещания гарантий Польше. Поэтому, как не замедлили отметить представители дипломатического ведомства Англии, в январе 1939 г. появились дипломатические и разведывательные донесения, в которых сообщалось о повороте Гитлера в "русском вопросе".

Об этом же позже говорилось и в заявлении главы германского министерства иностранных дел И. Риббентропа: "В 1939 г. имперское правительство, отложив в сторону тягчайшие сомнения, вытекавшие из противоречий между национал-социализмом и большевизмом, предприняло попытку достичь взаимопонимания с Советским Союзом".

Таким образом, инициатива в нащупывании контактов между СССР и Германией в 1939 г. принадлежала скорее всего не советской, а германской стороне. Однако это не меняло сути дела. А суть дела состояла в том, что точно так же, как Англия и Франция, согласившись на переговоры с СССР, пытались в то же время достичь взаимопонимания с Германией за счет Советского Союза, так и советское руководство, ведя переговоры с Англией и Францией, одновременно вступило на путь тайных переговоров с Германией, пытаясь достичь с ней взаимопонимания, с тем чтобы назревавший военный конфликт направить не против СССР, а против Англии и Франции.

Следовательно, по сути дела, между политическим курсом англо-французского блока и политическим курсом Советского Союза в 1939 г. не было принципиальной разницы. Обе стороны стремились обезопасить себя и направить агрессивные действия фашистской Германии против тех, кого они официально называли своими возможными союзниками. Значит, внешняя политика сталинского руководства в 1939 г. носила, по сути дела, столь же империалистический характер, что и политика Чемберлена и Даладье.

Ради того, чтобы достичь своих целей, Сталин в начале мая 1939 г. снял с поста народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинова, последовательно защищавшего курс на достижение соглашения с Англией и Францией, и заменил его В. М. Молотовым. В начавшихся секретных переговорах с Германией советские представители с одобрения руководства страны сначала очень осторожно, а затем все более охотно откликались на зондаж германских представителей, которые подчеркивали нереалистичность надежд СССР на достижение англо-франко-советского соглашения и обещали в ответ на согласие Советского Союза на заключение договора о ненападении с Германией дать гарантию "обеспечения государственных интересов СССР" в странах Восточной Европы.

В решающие августовские дни 1939 г., когда все более близился день нападения Германии на Польшу, Советский Союз пошел на заключение

договора о ненападении с Германией. И это объяснялось не только и даже не столько тем, что советское руководство считало бесполезным продолжать переговоры с Англией и Францией в силу их незаинтересованности в достижении соглашения, сколько тем, что, заключая пакт о ненападении с Германией, сталинское руководство получало от нее согласие на распространение преобладающего влияния СССР в соседних с ним странах на западе.

Именно поэтому договор о ненападении между СССР и Германией, заключенный 23 августа 1939 г., сопровождался секретным протоколом, который рассматривал как "сферу государственных интересов" Советского Союза восточные районы Польши (Западную Украину и Западную Белоруссию), Латвию, Эстонию и Финляндию, а также Бессарабию, оккупированную Румынией в 1918 г. Нарушая элементарные принципы нормальных дипломатических отношений с соседними странами, советское руководство согласилось с включением в секретный протокол формулировки о "территориально-политическом переустройстве областей, входящих в зону государственных интересов двух стран". Это в еще большей степени свидетельствовало об империалистической по сути направленности внешнеполитического курса сталинского руководства в 1939 г.

Но встает законный вопрос: а была ли альтернатива? Можно ли было избежать заключения в августе 1939 г. договора о ненападении с Германией? Ведь в двадцатых числах августа было ясно, что Германия вот-вот нападет на Польшу. Из разведывательных данных было известно, что срок военного выступления Германии назначен на 26 августа, и лишь отказ не готовой к войне Италии от немедленного вступления в военные действия заставил гитлеровское руководство перенести начало нападения на 1 сентября. Между тем Англия и Франция по-прежнему не спешили с выработкой политических и военных соглашений с СССР. Руководитель военной делегации Англии адмирал Дракс не раз выражал намерение тянуть переговоры до осенней распутицы, чтобы сделать затруднительным успешное ведение военных действий. Это означало, что к началу сентября 1939 г., к началу военных действий фашистской Германии против Польши, соглашения трех держав не будет.

Перед руководством СССР вставал вопрос: что же делать? Иногда при обсуждении этой проблемы в современной отечественной историографии и публицистике делается вывод о том, что Советский Союз в августе 1939 г. имел возможность не вступать в соглашение с Германией, а продолжать переговоры с Англией и Францией. Более того, иногда даже утверждается, что от заключения договора о ненападении зависело, нападет Германия на Польшу или нет. В книге М. И. Семиряги так и говорится: "Без пакта о ненападении с СССР Германия в это время вероятнее всего не рискнула бы напасть на Польшу".

Однако это предположение не имеет под собой никакой серьезной аргументации. Напротив, представители нацистской Германии не раз высказывали намерение в любом случае разгромить и ликвидировать Польское государство. Так, например, заведующий восточным отделом министерства иностранных дел Германии еще летом 1939 г. заявил: "Фюрер не позволит, чтобы исход аянгло-франко-русских переговоров о пакте оказал влияние на его волю в деле радикального разрешения польского вопроса. Германо-польский конфликт будет разрешен Берлином при условии как успешного, так и безуспешного исхода переговоров о пакте".

Следовательно, было ясно, что Германия, полностью готовая к нападению на Польшу, не отменила бы его даже в том случае, если бы переговоры в Москве с Англией и Францией продолжались, а германский зондаж СССР оказался бы неудачным. В крайнем случае Германия, может быть, ненадолго отсрочила бы вторжение в Польшу. Таким образом, утверждать, что без договора о ненападении с СССР Германия не напала бы на Польшу, нет никаких оснований.

Но этого мало. Успешное завершение польской кампании (а в успехе германского наступления в Польше, учитывая явное превосходство германских вооруженных сил, мало кто сомневался) могло бы создать для Германии соблазн продолжить свой успех и открыть военные действия против СССР.

Ведь Германия хорошо знала о военной неподготовленности Советского Союза в 1939 г. К тому же с мая этого года СССР уже вел военные действия на Дальнем Востоке, отражая японское наступление на реке Халхин-гол, в Монголии. В результате могла возникнуть угроза войны на два фронта. Это было очень опасно. Если даже объявив после 1 сентября 1939 г. войну Германии после нападения германских войск на Польшу, Англия и Франция практически ничем не помогли Польше, то ясно, что в случае втягивания в войну Советского Союза Англия и Франция и пальцем бы не пошевелили, чтобы помочь СССР.

Напротив, в этом случае они могли бы пойти на соглашение с Германией. О такой возможности говорилось, например, летом 1939 г. в одном из докладов английского военного атташе в Москве полковника Фэйрбрейта. В нем заявлялось: "В будущей войне Германия, напав превосходящими силами на Польшу, захватит ее в течение одного-двух месяцев. В этом случае вскоре после начала войны немецкие соединения окажутся на советской границе. Несомненно, что Германия затем предложит западным державам сепаратный мир с условием предоставления ей свободы для наступления на Восток".

Это заявление явно отражало взгляды консервативных кругов Англии, стремившихся к новому сговору с Германией.

Конечно, можно сделать и такой вывод, который был сделан в 1989 г., в дни 50-летия советско-германского пакта, на одном из митингов

протеста против этого пакта, прошедших в странах Прибалтики: "Бессмысленно рассуждать сегодня, как сложился бы ход второй мировой войны и судьбы народов Европы, не будь этого рокового договора Молотова-Риббентропа".

Разумеется, можно понять чувства народов Прибалтийских стран, ставших в 1939 г. жертвой сговора. Но допустимо ли так ставить вопрос? И могло ли так ставить вопрос руководство Советского Союза при сложившейся в августе 1939 г. обстановке?

На деле в те дни сложилась реальная угроза втягивания СССР в войну в крайне неблагоприятных условиях, при явной военной неподготовленности Советского Союза, в условиях полной международной изоляции СССР. Поэтому независимо от того, что действия советского руководства в августе 1939 г. были весьма далеки от декларируемых им благородных принципов справедливости и интернационализма "страны победившего социализма", независимо от корыстных, империалистических расчетов сталинского руководства само по себе заключение 23 августа договора о ненападении между СССР и Германией в конкретной обстановке того периода было, на наш взгляд, оправданным. Самое главное, чего надо было избежать, - это втягивания Советского Союза в войну.

Более того, отвлекаясь от корыстных расчетов сталинского руководства, было бы, вероятно, обоснованным при заключении договора о ненападении тем или иным путем добиться того, чтобы соседние страны Восточной Европы не были быстро захвачены германскими войсками. Без такой гарантии все эти районы (не только Польша, но и страны Прибалтики) были бы оккупированы Германией и Советский Союз уже в 1939 г. оказался бы лицом к лицу с мощной германской армией, стоящей вдоль западных границ СССР. В какой-то мере пакт 1939 г. решил эту задачу, определив пределы германского продвижения на восток.

Однако эти акции были проведены сталинским руководством таким путем, который ни в коем случае нельзя оправдать. Это было сделано путем грубейшего нарушения элементарных прав народов стран Восточной Европы. Это был прямой результат тогдашнего политического курса советского руководства. Секретный протокол к договору от 23 августа 1939 г. был подписан руководством СССР не столько потому, что необходимо было поставить предел германской агрессии на восток, сколько с целью насаждения в странах Восточной Европы сталинского тоталитарного режима и последующей ликвидации их государственной независимости.

Расчет на присоединение всех этих территорий к СССР с самого начала был в основе планов советского руководства, которое пошло на подписание секретного протокола к пакту. Об этом много лет спустя откровенно поведал сам В. М. Молотов. В вышедшей в 1991 г. книге "Сто сорок бесед с Молотовым" приведено характерное заявление бывшего наркома иностранных дел СССР о том, что в 1939 г. он видел свою

главную задачу "в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И, кажется, - добавил он, - мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей".

Анализ последствий этих акций Советского Союза полностью опровергает такой вывод. На самом деле происшедшее на основании секретного протокола включение стран Прибалтики в состав СССР распространило на них тоталитарный режим, жестокие репрессии и оттолкнуло народы этих стран от Советского Союза. Последствия всего этого самым неблагоприятным образом сказываются до сих пор.

Этого мало. После заключения договора от 23 августа 1939 г., что было в значительной мере обоснованным, советское руководство провело ряд крайне неблагоприятных и в конечном счете неразумных акций. Так, была полностью прекращена антифашистская пропаганда. В официальной пропаганде был сделан упор не на осуждение фашистской Германии, а на обличение Англии и Франции как агрессоров, ответственных якобы за развязывание второй мировой войны. 28 сентября 1939 г. СССР заключил односторонний договор о дружбе и границе с Германией. В конце ноября 1939 г. он развязал несправедливую войну против Финляндии. Все это привело к еще большему падению морального авторитета Советского Союза на международной арене.

С другой стороны, обеспеченная в 1939 г. двухлетняя отсрочка войны для СССР была очень неэффективно использована советским руководством, что во многом предопределило тяжелые поражения и огромные потери Советского Союза в первые месяцы Великой Отечественной войны.

К некоторым из этих проблем мы вернемся в нашей последней лекции.